

Акад. В. В. Струве

О «ГУМАННОСТИ» ХЕТТСКИХ ЗАКОНОВ

В настоящее время ожесточенной идеологической борьбы между советской наукой и наукой буржуазной особенно ясно обнаруживается, сколь многим мы обязаны подлинному научному методу познания и образцам подлинного научного творчества в работах Ленина и Сталина. Вместе с тем все отчетливее вскрывается бессилие буржуазных историков, скованных идеалистическими, реакционными положениями своих общественных теорий, решить правильно ряд существенных проблем. Примером подобного бессилия некоторых крупнейших буржуазных ученых решить одну из проблем древней истории является ответ, данный не-марксистской историографией на вопрос о пресловутой мягкости хеттских законов. Действительно, ряд буржуазных историков (отнюдь не фашистов) устанавливает большую мягкость хеттских законов по сравнению с законами вавилонян, ассирийцев, египтян и готовы объяснить ее расовым характером хеттов-индоевропейцев, которые в противоположность семитическим народам давали более высокую оценку жизни и личности человека.

Во избежание голословности я приведу несколько суждений крупнейших зарубежных исследователей. Так, Эд. Мейер подчеркивал «четко выступающее гуманно-правовое сознание» хеттов, отличающее их от египтян¹, или же указывал на то, что у хеттов неоднократно наблюдается «строгово-правовое и гуманное воззрение»². Подобное же определение характера хеттских законов, по значительно более развернутое дал и немецкий хеттолог А. Гётце, бежавший после фашистского переворота из Германии: «Позорящие кары, как, например, избиеение или изуродование, которые в ассирийском праве часто применяются, почти отсутствуют здесь (т. е. в хеттском законодательстве. — В. С.); там же, где мы их встречаем, они применяются лишь по отношению к рабам. Тем самым выявляется существенное отличие между хеттами и семитическими народами древней Передней Азии, которое в конечном итоге может быть интерпретировано как более высокая оценка ими человеческой жизни и достоинства»³.

На исключительной гуманности хеттов-индоевропейцев по сравнению с суровостью семитических народов, настаивает и известный французский

¹ «Geschichte des Altertums», т. II², 1928, стр. 482.

² Там же, стр. 28. См. также здесь, стр. 517, слова Эд. Мейера о гуманности хеттских законов.

³ А. G ö t z e, Kleinasien («Handbuch d. Altertumswiss.», изд. W. Otto, разд. III, 1 ч., т. III, 1933, стр. 109). См. его же, Hethiter, Churriter u. Assyrier, Осло, 1936, стр. 65.

специалист по истории Древнего Востока А. Морэ. Согласно его определению, «судебник хеттский резко отличается мягкостью обычаев и законов от суровости судебного Хаммурапи, а также от систематической жестокости законов у ассирийцев». Свою характеристику духа хеттского законодательства Морэ заканчивает следующими примечательными словами: «В этой (хеттской) конфедерации народов различных рас и языков объединение осуществляется царской администрацией; она использует свод законов, восходящий к Месопотамии, но интерпретирует его в более гуманном духе. Мы отмечаем в этом смягчении закона первые черты нового социального духа, духа индоевропейцев, который уважает в обществе личность. Даже тогда, когда династия в Богазкое возьмет у более древних монархий Востока внешние аспекты божественного происхождения и ритуал сакрального деспотизма, рядовой гражданин сохранит свое достоинство и свои права»¹.

Знаменитый чехословацкий ученый, основоположник хеттологии, Б. Грозный указывает на то, что многие особенности хеттского общества связаны с их индоевропейским происхождением. По его мнению, к таким особенностям принадлежит и государственная организация², поскольку они были «прирожденные правители и организаторы»³. В разделе о хеттских законах он замечает: «Говоря о характеристике хеттского судебного кодекса, можно в общем сказать, что его кары значительно мягче, нежели кары судебного Хаммурапи или ассирийских законов. Смертная казнь и казни увечья отступают на задний план, и на их месте появляются наказания имуществом»⁴.

Действительно, мы находим в законодательстве хеттского общества, казалось бы, моменты, которые при поверхностном взгляде подтверждают положение о гуманности его, отличающейся от суровости законов не только ассирийского народа, но и от законов вавилонян и египтян.

Аргумент в пользу положения о мягкости хеттского права находят некоторые исследователи в § 57 второй таблички законов хеттских царей или в § 172, если рассматривать, следуя Б. Грозному, обе таблички как части единого судебного кодекса. Интересующий нас закон гласит следующим образом:

«Если свободного человека в голодный год кто-нибудь оживит (hu-iš-nu-zi)⁵, тогда он (т. е. свободный человек) заместителя своего дает, если раб, то 10 сиклей серебра он дает».

Из приведенного законоположения хеттского судебного кодекса вытекает, что свободный человек за свой прокорм в голодный год мог себя выкупить предоставлением заместителя, а раб — уплатой 10 сиклей.

По мнению А. Гётце, этот закон свидетельствует о замечательном факте, что в хеттском обществе имела место во время голода взаимная поддержка при условии последующего возмещения расходов. Свое наблюдение немецкий исследователь заключает следующими словами: «Это, правда, только предпосылка, не юридическое требование, чтобы нечто подобное свершалось; тем не менее появление такого закона бросает

¹ A. Moré, Histoire de l'Orient, т. II, Париж, 1936, стр. 574—575.

² В. Н р о з н ы, Die älteste Geschichte Vorderasiens u. Indiens, Прага, 2-е изд., 1943, стр. 162.

³ Грозный, цит. соч., стр. 166.

⁴ Там же, стр. 167.

⁵ E. H. Sturtevant, A Hittite Glossary, Филадельфия, 1936, стр. 55 и он же, A Comparative Grammar of the Hittite Language, Филадельфия, 1933, стр. 235.

весьма примечательный свет на дух общности, который царил среди хеттов»¹.

Кажущаяся гуманность хеттского законодательства находит свое выражение и в уголовном праве. Здесь мы не встречаем, как в судебнике Хаммурапи или в древнееврейских законах, засвидетельствованных библией, принципа «око за око, зуб за зуб». Так, судебник великого вавилонского царя постановляет в § 196: «Если муж² повредит глаз сына мужа, то должно повредить глаз ему (самому)». В § 197 применен тот же принцип по отношению к повреждению кости: «Если он сломает кость у мужа, то должно сломать кость ему». В следующих двух параграфах определяется кара за те же преступления, но совершенные по отношению к неполноправным представителям вавилонского общества. В § 198 предусматривается наказание за членовредительство со стороны полноправного вавилонского гражданина по отношению к так называемому «мушкену» («подданному»): «Если он повредит глаз у «мушкену», то он должен уплатить 1 мину серебра». Под «мушкену» — «подданными» следует понимать представителей населения тех городов и областей, которые были покорены царем Хаммурапи силой оружия, как, например, население царства Римсина, царства Зимрилама, правителя области Мари и т. д.³ Свободное население лишь этих областей не находилось под защитой закона талиона. Членовредительство же, причиненное гражданину коренной вавилонской области, каралось соответствующим членовредительством виновного. Хаммурапи снова это подчеркивает в § 200⁴, в котором он определяет кару за новый случай телесного ущерба, нанесенного полноправному гражданину державы Хаммурапи: «Если муж выбьет зуб у мужа равного ему положения, то должно выбить зуб его».

В библейском судебнике — Книге Исхода, приписываемом обычно Элохисту и датированном, следовательно, VIII в. до н. э.⁵, мы находим в гл. 21, 23 сл. аналогичное применение закона талиона за членовредительство, причиненное во время драки: «если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб».

Хеттские законы не различают, подобно библейским судебникам и в противоположность судебнику Хаммурапи, две прослойки среди свободного населения, одну, более привилегированную, и другую, менее привилегированную. Очевидно, хеттский судебник устанавливал юридические нормы для населения той части хеттской державы, которая считалась коренной в момент его составления. Устанавливаемые им нормы не знали, как я уже выше отметил, применения закона талиона. Так, в § 7 хеттского судебного устанавливается следующая кара за увечье свободного человека: «Если у свободного человека кто-нибудь повредит глаз (букв. ослепит), или выбьет ему зубы, то раньше давали 1 мину серебра, теперь он дает (лишь) 20 сиклей серебра. Свой дом он дает как обеспечение».

Примечателен в этом постановлении хеттского судебного и тот момент, что уже и более древнее законодательство хеттских царей⁶ за-

¹ А. Гетце, цит. соч., стр. 108.

² Т. е. полноправный гражданин вавилонского общества.

³ См. В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 96.

⁴ В предшествующем постановлении, в § 199, Хаммурапи указал на размеры штрафа, возлагаемого на виновного в нанесении телесного ущерба рабу: «Если он повредит глаз раба мужа, или сломает кость раба мужа, он должен уплатить половину его стоимости».

⁵ См. хотя бы С. Н. Корнелл, Einleitung in das Alte Testament, 1891, стр. 73 сл.

⁶ О времени этого древнего хеттского законодательства, см. А. Гетце, цит. соч., стр. 103.

менило принцип талиона денежным штрафом, правда, в три раза большим, чем в последующее время. Весьма вероятным является предположение, что более древнее законодательство, которое неоднократно упоминается в известном нам хеттском судебнике, еще различало, подобно праву Хаммурапи, две прослойки среди свободного населения основного ядра хеттского государства. За членовредительство, причиненное представителю более привилегированной прослойки, взымался штраф в 1 мину серебра, а за подобное же преступление по отношению к менее привилегированному требовалась уплата лишь одной трети мины, т. е. 20 сиклей. Доследний до нас судебник, восходящий вероятно к XIV в. до н. э., сравнял права свободного населения центральной части государства и установил единую пеню в 20 сиклей серебра за телесный ущерб, нанесенный любому свободному человеку.

Известный нам хеттский судебник, составленный в последний период существования хеттской державы, заменял *ius talionis* пеней не только в случае увечья, но и в случае убийства. Мы читаем в § 1 судебногоника: «Если мужа (свободного) или женщину (свободную) в ссоре кто-нибудь убьет, его он хоронит. Также 4 головы (т. е. рабов) он дает, будь это мужчины или женщины. Свой дом он отдает как обеспечение».

Хеттское законодательство учитывало в ряде случаев момент злой воли, и оно отличало намеренное убийство от нечаянного. Последнее трактуется в § 3 хеттского судебногоника: «Если мужа (свободного) или женщину (свободную) кто-нибудь ранит так, что он умрет, (причем) рука (лишь) его согрешит, то он (его) похоронит, также 2 головы (т. е. рабов) он дает. Свой дом он отдает как обеспечение». Согласно этому закону не требовалось в хеттском судопроизводстве клятвы для установления нечаянного убийства. § 207 судебногоника Хаммурапи требовал в таком случае клятвы: «Если пострадавший вследствие избивания умрет, то он (т. е. убийца) клянется, и если пострадавший сын мужа, то он платит половину мины». В хеттском законодательстве, очевидно, нечаянность убийства определялась или свидетельскими показаниями, или простым заверением виновного.

При дальнейшем развитии денежных отношений в хеттском обществе судопроизводство требовало с убийцы уже не выдачи рабов пострадавшей семье, а выплату определенной суммы серебра¹.

Зарубежные исследователи устанавливали «гуманность» и «мягкость» хеттского законодательства не только в частном праве, но и в государственном праве. Согласно последнему казнь увечьем—отрезание ушей и носа—не применялась к тем свободным представителям хеттского общества, которые во время войны переходили на сторону врага. Согласно же египетским законам указанная кара применялась ко всем государственным преступникам, как к знатым, так и к рядовым подданным фараона. Это различие в одном из существенных моментов государственного права держав фараонов и хеттских царей, а в конечном итоге и социальной структуры обоих обществ привело к некоторым затруднениям при оформлении знаменитого мирного договора между Хаттушилем III и Рамсесом II в 22-м году правления последнего—в 1295 г. до н. э., если верить хронологии Манефона².

Хетты при переговорах настаивали, опираясь на установку своего законодательства, на том, чтобы перебежчики из знати не подвергались изуродованию, а египтяне с точки зрения своих законов требовали нанесения увечий всем изменникам—как простолюдинам, так и представите-

¹ См. А. Гетце, цит. соч., стр. 103.

² См. В. В. Струве, ВДИ, 1946, № 4, стр. 11.

лям знати. В конце концов обе стороны договорились не подвергать жестокой казни ни одного из перебежчиков, ни знатного, ни простолюдина. Поскольку данный спор затянулся, то указанное компромиссное решение могло быть введено лишь в качестве дополнения к уже готовому договору¹.

Отметив несогласие представителей Хаттушиля III при установлении мирного договора с нанесением увечий выдаваемым перебежчикам, мы тем не менее должны признать, что государственное право хеттских царей может быть лишь весьма условно названо гуманным. Дело в том, что оно было гуманным лишь по отношению к свободным, и фактически, конечно, лишь по отношению к знатным перебежчикам. Об этом со всей определенностью свидетельствуют следующие постановления договоров хеттских царей с подчинившимися им государствами: «Если из страны (имя рек) бежит какой-нибудь свободный муж в страну Хатти, то я тебе его не выдам; выдавать беглеца из страны Хатти не хорошо. Если же это пахарь, или ткач, или плотник, или кожевник, или какой-нибудь ремесленник и он не захочет работать и станет беглым и придет в страну Хатти, то я его захвачу и выдам тебе»².

Ту же условную гуманность хеттских законов мы наблюдаем и в частном праве. Пресловутая гуманность «индоевропейцев» хеттов имела место лишь по отношению к свободным, но те же законы были чрезвычайно жестокими по отношению к рабам. Так, за кражу свободный человек должен был платить, согласно § 95 хеттского судейника, лишь штраф в 12 сиклей, заменивший собой пеню в 1 мину, установленную древним законодательством. В § 96 хеттского судейника определяется наказание раба, совершившего кражу в доме кого-либо. Раб, уличенный в преступлении, должен был платить, правда, меньший штраф, только 6 сиклей, так как за него приходилось платить его господину, но зато рабу отрезали нос и уши и в таком виде возвращали хозяину. В случае поджога свободный должен был лишь снова построить дом (§ 99 судейника), но «если раб поджигает дом и если (даже) господин его возместит убыток, то (все же) рабу отрезают нос и уши и передают его господину»³.

Подобная же дифференциация в наложении кары по отношению к свободным и рабам имеется и в статье, направленной против магического действия, злоупотребляющего именем кого-либо: «Если свободный человек убьет змею и назовет при этом имя кого-либо, то он должен уплатить за это 1 мину серебра; если же это сделал раб, то он должен за это умереть»⁴. Вообще через весь судейник хеттских царей проходит красной нитью противопоставление раба свободному человеку, называемому или просто «мужем», или же «мужем чистым».

По отношению к рабам хеттские законы были даже значительно более жестокими, нежели судейник Хаммурапи. Так, за сопротивление своему господину хеттский раб подвергался мучительной казни⁵, вавилонский закон ограничивался лишь отрезанием уха строптивного раба⁶. Очевидно, подобная «снисходительность» вавилонского закона объяснялась, конечно, тем обстоятельством, что общество, экономика которого покоилась на ирригационном хозяйстве, должно было учитывать и беречь каждую рабочую единицу. Что же касается военного хеттского общества, то рабов здесь было много, они были сравнительно дешевы, и убийство

¹ См. В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 65.

² J. Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, I, 1926, стр. 59 и 141.

³ § 100 судейника.

⁴ § 170 судейника.

⁵ В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 60.

⁶ § 282 судейника Хаммурапи.

раба поэтому не сдерживалось какими-нибудь серьезными экономическими моментами. Наоборот, в хеттском обществе раб должен был за строптивость подвергнуться особо суровому наказанию, так как, вследствие многочисленности рабов, их надо было держать в повиновении жестокостью кары за всякую попытку неповиновения воле господствующего класса. Если хеттские законы были свирепыми против рабов-военнопленных, то они были не мягкими и по отношению к тем несчастным из класса свободных, которые в годы голода за поддержание своей жизни попадали в положение рабов-должников в хозяйство того, кто им «давал жить». Поскольку я знаю специальную литературу, еще не было сделано наблюдения, что закон о лицах, которым «давали жить», мы находим не только в хеттском судебнике, но и в ассирийском законодательстве. В последнем также встречается термин «bullutu» «оживление»¹, в точности соответствующий хеттскому «*hu-iš-nu-zi*» «он дает жить». Согласно ассирийским законам также свободный человек, которого оживили, получал свободу лишь при условии предоставления заместителя², а раб возвращался прежнему владельцу за уплату денежной суммы³. Ассирийское право, столь жестокое по общему признанию, предусматривало вместе с тем и хорошее обращение со свободным человеком, которому «давали жить»⁴. «Гуманный» же хеттский судебник об условиях хорошего обращения с лицом, которого «оживляют», не говорит ни слова.

Судебник же царя Хаммурапи идет в защите личности свободного человека, попавшего в кабалу, еще дальше, нежели ассирийское законодательство II тысячелетия до н. э. § 116 свода законов великого вавилонского царя оберегает жизнь раба-должника или заложника угрозой применения принципа талиона по отношению к членам семьи заимодавца: «Если заложник в доме своего заимодавца или от ударов, или плохого обращения умрет и собственник заложника своему заимодавцу (букв. купцу) докажет (это), то если (умер) сын мужа⁵, то убивают его сына, если (умер) раб мужа, то он уплачивает одну треть мины серебра. Он также теряет все то, что он отдал (в долг)».

Согласно хеттскому и ассирийскому законодательству тот свободный человек, которому «давали жить», освобождался лишь в том случае, если представлял вместо себя в виде возмещения другого человека. Вавилонское же общество, не являвшееся военным, подобно хеттскому и ассирийскому, было значительно мягче к рабам-должникам. Оно ограничивало срок пребывания раба-должника в доме заимодавца определенным количеством лет, а царь Хаммурапи определил этот срок в § 117 своего судебного кодекса лишь тремя (!) годами: «Если мужа схватило долговое обязательство и он жену свою или сына своего, или дочь свою продал или в залог отдал, то 3 года в доме своего покупателя или залоговладельца они работают, а на четвертый год устанавливается их свобода». Правда, законы царя

¹ Ср. И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии (Дисс. 1946 г.), стр. 90.

² Ср. частично-правовой документ у E. Ebeling, Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts, Лейпциг, 1927, № 167. Его транскрипцию и перевод см. у M. David, E. Ebeling, Assyr. Rechtsurkunden, Nr. 7 (Zeitschrift f. vergleich. Rechtswissenschaft, т. 44, 1929, стр. 311 сл.).

³ E. Ebeling, цит. соч., № 168. Транскрипцию и перевод см. у P. Koschaker, Neue Keilschrift-Urkunden aus der El-Amarna-Zeit (Abhandl. philol.-hist. Kl. Sächs. Akad. Wiss. т. 39, № 5, 1928, стр. 105).

⁴ Табличка А среднеассирийских законов, 39. См. G. R. Driver, J. C. Miles, The Assyrian Laws, Оксфорд, 1935, стр. 404—407 и 271 сл. Ср. E. Ebeling, цит. соч., № 12 и M. David, E. Ebeling, цит. соч., № 5, стр. 310.

⁵ Согласно § 117 судебного кодекса Хаммурапи глава свободной семьи не мог стать заложником.

Хаммурапи имели целью защищать «от сильного слабого»¹, в противоположность законодательству таких государственных деятелей, как Солон, или Дарий, которые защищали народ от знати, но вместе с тем и знать от народа². Я все же полагаю, что вавилонское законодательство и до Хаммурапи и после Хаммурапи устанавливало некоторое ограничение времени пребывания раба-должника в доме своего заимодавца. Весьма заманчивым является предположение, что подобным сроком ограничения времени работы должника был срок в 6 лет, который был впоследствии, в VIII в., заимствован судебником Элохиста (Исх., гл. 21, 2)³ из современного ему вавилонского права: «если купишь раба-еврея, пусть он работает (тебе) шесть лет, а в седьмой (год) пусть выйдет на волю да-ром».

Установленная нами жестокость хеттского судебного права по отношению к имущественно необеспеченным слоям свободного населения нашла свое отражение в том, что уголовное право хеттского законодательства заменяет принцип талиона пеней. Нельзя же исчезновение в хеттском судебнике *ius talionis* объяснять исключительно лишь тем, что хеттское общество середины II тысячелетия было более развитым, нежели вавилонское общество эпохи Хаммурапи или еврейское общество IX—VII вв. до н. э. Изъятие из хеттского права принципа талиона было, бесспорно, обусловлено еще и тем обстоятельством, что знать, имущественно наиболее мощная и поэтому наиболее способная к преступлениям против экономически слабых слоев общества, могла тем самым оставаться безнаказанной за свершаемые акты насилия. Крупные рабовладельцы могли, не боясь угрозы применения к ним закона талиона, расправляться со всеми не удобными им лицами. Мы знаем, что знатные хетты владели сотней и больше рабов⁴, и поэтому им ничего не стоило отдать за убийство своего врага в худшем случае 4 своих рабов, а в случае возможности определения данного убийства непреднамеренным, то даже только и 2 рабов или же некоторой суммы серебра.

Законодательство хеттских царей давало возможность знати не только расправляться со своими врагами из среды мелких рабовладельцев, но также и расширять по существу безнаказанно свое рабовладельческое хозяйство за счет хозяйства тех же мелких рабовладельцев. Действительно, хеттский судебник карал кражу раба не смертной казнью, а одним лишь денежным штрафом. Так, в § 20 хеттского судебного права мы читаем: «Если кто-нибудь из города Хатти⁵ хеттского раба⁶ из Лувийской страны украдет и в страну Хатти уведет, а его хозяин его найдет, то он (т. е. похититель) уплатит ему 12 сиклей серебра и он дает свой дом как обеспечение». В следующем постановлении судебного права, в § 21, где рассматривается случай кражи раба, принадлежавшего лувийцу, а не хетту, из Лувийской страны, даже не предусматривается взимание пени с похитителя: «Если кто-нибудь раба лувийского мужа из Лувийской страны украдет и в страну Хатти его уведет и его хозяин его найдет, то он возьмет назад своего раба». Уплата пени не имеет места. Кража раба в Хеттской области также, несомненно, каралась одним лишь денежным штра-

¹ Судебник Хаммурапи, столб. 1, строки 37—39.

² К установке Солона см. А р и с т о т е л ь, Афинская политика, гл. 12 и П л у т а р х, Солон, гл. 18. Социально-политические взгляды Дария I отражают слова его в накширустенской надписи, В, строки 8—11 (E. Herzfeld, *Altperische Inschriften*, Берлин, 1938, стр. 4 и 7).

³ См. выше, прим. 5 на стр. 13.

⁴ См. В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 65.

⁵ Т. е. полноправный гражданин хеттской державы.

⁶ Очевидно, раб, который принадлежал хетту, жившему в Лувийской области. См. нижеследующий § хеттского судебного права.

фом. правда, значительно большим, нежели за кражу раба в Лувийской области. Подобный вывод можно сделать из ниже приведенной статьи судебногоника, возлагающей значительную пеню на укрывателя беглого раба.

Законодательство царя Хаммурапи и в данном вопросе—о каре за кражу раба резко отличается от законодательства хеттских царей. Его судебник устанавливал, в противоположность хеттскому судебнику, в своей 15-й статье смертную казнь, а не денежный штраф за кражу раба: «Если муж раба дворца или рабыню дворца, или раба мушкену, или рабыню мушкену за ворота города выведет, то его убивают». Столь же суровую кару устанавливает § 16 судебногоника Хаммурапи за укрывательство раба: «Если муж укрыл в своем доме беглого раба, принадлежащего дворцу или мушкену, и не выдаст его по воззванию чиновника, то этого домохозяина убивают».

В резком противоречии с этим положением законодательства Хаммурапи стоит статья 24 судебногоника хеттских царей: «Если раб или рабыня сбежит, то (муж), в доме которого его хозяин его найдет, дает плату для мужчины за 1 месяц 12 сиклей серебра, а для женщины за 1 месяц дает плату 6 сиклей серебра». Следовательно, и за укрывательство раба хеттское законодательство налагало не смертную казнь, а лишь денежный штраф, правда, весьма значительный. В этом отношении судебник хеттских царей перекликается с судебником III династии Ура, в эпоху которой также ведущей социальной силой была крупная рабовладельческая знать. Действительно, статьи 5 и 6 первого филадельфийского фрагмента судебногоника III династии Ура определяют кару за укрывательство беглого раба также денежным штрафом: «Если рабыня или раб убежали у мужа в пределах селения и было установлено, что он в доме кого-нибудь пребывал в течение месяца, то тот даст раба за раба. Если же он не имеет раба, то он отвесит 25 сиклей серебра»¹.

Денежный штраф или же предоставление раба, конечно, не могли ни в коем случае удержать крупного рабовладельца от соблазна обогатить свое хозяйство включением в него беглых рабов. Таким образом, шумерийское и хеттское законодательство, заменявшие для укрывателя беглого раба смертную казнь пеней, лишали мелкое рабовладельческое хозяйство по существу какой-либо защиты от посягательства со стороны крупного хозяйства. Последнее имело, конечно, значительно больше возможностей скрывать у себя беглых рабов, нежели мелкий рабовладелец. Лишь угроза смертной казни могла удержать крупного рабовладельца от переманивания рабочей силы из мелких хозяйств. Тяготение самих рабов к крупному хозяйству было обусловлено тем обстоятельством, что у крупного рабовладельца рабам жилось часто легче, нежели у мелкого.

Следовательно, замену хеттскими законами смертной казни за кражу и укрывательство рабов пеней следует сопоставить с отказом тех же законов от принципа талиона. Они—явления одного и того же порядка, а именно моменты, свидетельствующие о господстве в хеттском государстве крупной рабовладельческой знати, поставившей в полную зависимость от себя массу мелких рабовладельцев.

Господство знати ограничивалось не только властью над народом. Она поставила в зависимость от себя и самого царя. Об этом свидетельствовало и постановление государственного права, запрещающее членовредительство по отношению к перебежчикам из среды знати, вызвавшее столь большое смущение со стороны представителей Рамсеса II во время

¹ H. F. Lutz, Selected Sumerian and Babylonian Texts (University of Pennsylvania, University Museum, I, 2, Philadelphia, 1919), № 100, 5—6 (столб. II, 14—III, 2).

мирных переговоров, которые должны были завершить почти столетнюю египетско-хеттскую войну.

Еще более четко можно установить факт зависимости царской власти в хеттском государстве от знати на основании так называемой конституции царя Телипинуша, правившего, согласно вновь установленной хронологии древней Передней Азии, около 1550 г. до н. э. Телипинуш оставил нам свои анналы, заключением которых и была та своеобразная конституция, о которой я только что говорил¹. Анналы Телипинуша повествовали о событиях времени тех царей, которые правили до него. Наиболее славными из его предшественников были Табарна, Хаттушиль и Муршиль, завоевавший Алеппо и, около 1600 г. до н. э., Вавилон. Основную причину успехов и благополучия при этих царях Телипинуш видел в том, что вокруг них были объединены их сыновья, братья, свояки, кровные родственники и воины, входившие в состав древнего «панкуш» («толпа»). Когда это объединение распалось, то начинались междоусобия в царском доме, а это влекло за собой и ослабление Хеттского государства. Такой период захирения наступил в момент гибели великого завоевателя Муршилы, который после возвращения из походов стал жертвой дворцового заговора. Последствием был долгий период смут и волнений, продолжавшихся не один десяток лет. В это время отдельные области стремились стать снова самостоятельными, пользуясь теми династическими смутами, которые в сильнейшей степени ослабляли центральную государственную власть.

Описание придворных переворотов, заливавших кровью царский дворец, должно было служить для Телипинуша обоснованием тех реформ, которые он намерен был провести и которые были увековечены в указе царя, следующем за повествованием о событиях при его предшественниках и в самом начале его царствования: «Теперь кровопролитие стало обычным в царской семье, и Иштагарниш царица умерла, и затем Аммунаш царевич умер. Теперь боги и люди объявили: «Смотри же! В Хаттушах кровопролитие стало обычным». Теперь я Телипинуш созвал совет (тулия) в Хаттушах. С настоящего времени никто не сделает вреда члену (царской) семьи или ударит его кияжалом». Эти слова мы находим как непосредственное введение к указу о реформах Телипинуша. Царь стремится установить внутренний мир в государстве установлением порядка престолонаследия и определением прав знати по отношению к царю.

Согласно новому закону Телипинуша о престолонаследии последнее сохраняется за прямым потомством царя. Закон постановляет, что преемником царя должен быть старший сын царя от первой жены последнего. В случае отсутствия такового царем становится царевич «второй степени», т. е. сын от наложницы. Если же не имелось налицо мужского потомства, то власть предоставлялась мужу «первой» царицы, т. е. дочери первой жены царя.

Закон о престолонаследии был проведен царем во вновь организованном государственном учреждении — «тулия» («совет»), в состав которого входили сыновья царя, его братья, его свояки, его родственники, высшая родовая знать, высшая придворная знать и начальник телохранителей. В благодарность за утверждение закона о престолонаследии царь должен был делить власть с этим «советом». Царь не имел права казнить ни одного члена совета без согласия на то всех остальных представителей последнего. Царь, казнивший самовольно кого-либо из своих братьев или сестер,

¹ К анналам и «Конституции» Телипинуша см. В. В. Струве, Изв. ГАИМК, № 97, стр. 49; см. и Е. Н. Sturtevant a. H. Bechtel, A hittite Chrestomathy, Филадельфия, 1932.

отвечал за это своей «царской головой». Его казнили на основании решения «совета», но не убивали тайно, как это делали раньше. В случае подтверждения советом виновности одного из его представителей царь получал право его казнить, но не имел права причинять зло его семье и конфисковать его дома, поля, виноградники, гумна, рабынь, рабов, крупный скот, овец. Все имущество казненного наследовалось его семьей.

Наряду с этим «советом» («тулия») высшей знати продолжал существовать и древний «панкуш» («толпа»), т. е. собрание воинов, но это учреждение было теперь реформировано. В его состав входили наряду со знатью уже больше не рядовые воины, а лишь телохранители царя и начальники тысяч. Текст о правах этого реформированного «панкуш», к сожалению, сильно разрушен, но надо думать, что и по отношению к виновному представителю его разрешалась кара лишь его лично, но не его семьи, сохранявшей, наверное, право на имущество своего преступного главы. Царь, ограниченный советом и реформированным «панкуш», находился тем самым в сильнейшей зависимости от знати. Поэтому постановление хеттского государственного права, запрещающее членовредительство по отношению к перебежчикам из среды свободных, было обусловлено не гуманностью индоевропейского хеттского общества, а общим характером хеттского государственного права, согласно которому власть царя была в сильнейшей степени ограничена знатью.

Я пришел к концу моего небольшого исследования. Я надеюсь, что мне удалось опровергнуть объяснение «гуманности» хеттских законов расовыми особенностями хеттов-индоевропейцев. Эта так называемая гуманность хеттского права была обусловлена, с одной стороны, ярко выраженным рабовладельческим характером хеттского общества, а с другой стороны, — господством в нем крупной рабовладельческой знати, подчинившей себе и народ и царскую власть.

